

Ю. К. Колосовская

К ИСТОРИИ ПАДЕНИЯ РИМСКОГО ГОСПОДСТВА В ДАКИИ

История Римской империи не может рассматриваться без учета истории римских провинций. Тем более невозможно без этого составить правильное представление о периоде кризиса III в., поскольку именно конкретная история провинций позволяет проследить особенности, которыми отмечен кризис III века в отдельных частях римского мира. В этом отношении история Дакии, провинции, в которой в результате кризиса III века раньше, чем в других провинциях, пало римское господство и Рим оказался вынужденным отступить, представляет особый интерес.

Сосредоточив все свое внимание на изучении римских институтов, сложившихся в этой провинции, западноевропейская буржуазная историография и старая румынская историография, вследствие общей методологической слабости буржуазной науки, оказались не в состоянии выяснить действительные причины крушения римской власти в Дакии. Западноевропейская историография ограничивалась ссылками на общее тяжелое положение империи в этот период, слабость императорской власти, военные неудачи римлян, якобы и заставившие их сократить протяженность границы на самом опасном участке. Между тем действительные причины падения римского господства в Дакии были порождены, в основном, особенностями социально-экономических отношений в провинции. Установление этих особенностей и выявление сил, оказавших решительное сопротивление Риму, является основным в решении вопроса, хотя и не исключает вовсе учета всех других факторов: военных, политических и географических. Вследствие этого представляется важным выявить, насколько позволяют источники, роль, взаимоотношение и борьбу тех сил, которые действовали в Дакии в указанный период: римская администрация, вооруженные силы и переселенцы из других областей империи, стремившиеся обеспечить успешную романизацию и эксплуатацию провинции; местные крупные, средние и мелкие землевладельцы, одни поддерживавшие римское правительство, другие оказывавшие пассивное или активное сопротивление римским властям; свободное крестьянство и рабы, всегда активно выступавшие против Рима; соседние с Дакией племена, вторгавшиеся в провинцию и облегчавшие народным массам борьбу с Римом.

Среди римских провинций Дакия занимала особое положение и вследствие позднего включения в состав империи и вследствие постоянной чрезвычайно серьезной внешней опасности, угрожавшей провинции, и главным образом вследствие той напряженной внутренней борьбы, которой была наполнена вся история Дакии на протяжении II в. Все эти

обстоятельства не могли не сказаться на характере управления провинцией и ее взаимоотношениях с Римом.

Большое хозяйственное значение Дакии для Рима и не меньшее военное (она должна была служить форпостом против надвигавшихся на дунайские провинции варварских племен) обусловили ускоренный темп установления в стране римской власти и усиленную романизацию провинции. Этому в немалой степени должно было способствовать переселение в Дакию римских колонистов, причину которого вряд ли возможно, вслед за Евтропием (VIII, 6) усматривать лишь в стремлении римлян заселить опустошенную область. В самом деле, разорение Дакии после Траяновых войн вовсе не могло быть столь опустошительным: население страны было, видимо, весьма значительным (общеизвестно, что Траян в честь победы над даками бросил на арену амфитеатра 10 000 пленных—Cass. Dio, LXVIII, 15, 1), и в провинции сохранились значительные слои местного населения¹. Поэтому переселение римлян в Дакию имело несомненной целью создать в недавно и с такими большими усилиями замиренной стране проримски настроенный слой населения. А то, что в этом была необходимость, свидетельствует весь римский период истории Дакии, хотя и короткий, но сплошь наполненный внутренними волнениями или вторжениями пограничных племен. Об этом свидетельствует широкое распространение во II в. движения *latrones* в Дакии и на Дунае вообще, в котором справедливо усматривают выступления угнетенных слоев провинциального населения против римлян и которое в конце концов привело к падению римского господства в Дакии.

Однако такое весьма общее определение — «угнетенные слои провинциального населения» — еще не дает возможности выяснить, какие именно классы или слои населения Дакии в постоянной борьбе с римским владычеством подорвали господство Рима. Само собой разумеется, что выяснение этого вопроса и, в частности, социальной природы *latrones* может иметь место только в результате анализа социально-экономических отношений этой провинции, т. е. общей линии их развития и той эволюции, которую они претерпели. Для Дакии это представляется весьма сложным вследствие необычайной пестроты и обилия пришлого населения, крайней скудости и ограниченности источников, небольшого сравнительно с другими провинциями римского периода ее истории.

Несомненно, что ко времени Траяновых войн Дакия находилась на значительно более низкой ступени социально-экономического развития, чем большинство областей Римской империи. Рабовладельческие отношения, повидимому, едва начинали оформляться. Мнение К. Дайковичу², который считает, что при сооружении дакийских крепостей в I в. до н. э. рабский труд использовался в значительных масштабах, нуждается в более прямых доказательствах. Его утверждение, что порядки, описанные Агатархидом у дарданов, были подобны тем, которые существовали у даков, вовсе еще не доказывает наличия в Дакии времени Децебала, а тем более Биребисты, достаточно развитых рабовладельческих отношений. В самом деле, известно Агатархида, что у военных вождей дарданов имелось до

¹ А. Д. Дмитриев, Падение Дакии, ВДИ, 1949, № 1, стр. 77—78, считает, что дакийский народ был разгромлен в результате двух войн Траяна, так как много даков было продано в рабство и загнано в горы. Не подвергая сомнению жестокость расправы римлян с побежденным народом, все же можно предположить, что опустошение Дакии не было столь сильным. В противном случае остается неясным, откуда взялись те слои местного населения, которые, как А. Д. Дмитриев правильно отмечает, положили предел римскому господству в Дакии. Однако этот вопрос остается в его статье невыясненным.

² С. Dăicoviciu, Cetatea Dacică de la Piatra Roșie, București, 1954, стр. 144—145.

1000 и больше δούλοι в услужении у каждого, которые в мирное время обрабатывали его земли, а во время войны составляли отряд, сопровождавший этого вождя и шедший под его командованием, определенно свидетельствует о наличии у них патриархальных форм зависимости от племенных вождей их крестьян-соплеменников¹; именно их труд и мог использоваться при постройке крепостей. К тому же греческие авторы начинают говорить о рабах даков или гетах значительно позже, чем о рабах из южнофракийских областей. Так, древнеаттическая комедия, в частности, Аристофан, еще не знает рабов даков и гетов и упоминает только рабов-фракийцев. Δούλοι και Γέται в качестве рабов появляются лишь в комедиях Менандра, т. е. в конце IV в. до н. э.² Повидимому, это обстоятельство может быть поставлено в связь с поздним развитием рабовладения у самих даков, причем уже сам экспорт рабов и продажа соплеменников в рабство на сторону свидетельствуют о примитивном и патриархальном характере рабовладения у даков. Для того, чтобы решать вопрос об уровне социально-экономического развития Дакии ко времени римского завоевания, необходимо прежде всего попытаться выяснить, как далеко зашел в это время процесс классового образования в дакийском обществе. Факт деления дакийского общества на знать и простой народ³ еще недостаточен для утверждения о существовании у даков этого времени антагонистических классов.

Что касается Дакии после обращения ее в римскую провинцию, то уже само общее число (около 130)⁴ эпитафических памятников, упоминающих прямо или косвенно рабов или вольноотпущенников, может являться свидетельством того, что рабовладельческие отношения получили в это время значительное развитие в Дакии. Труд рабов, несомненно, имел сравнительно широкое применение и в сельском хозяйстве, и в рудниках, и в ремесле провинции. В ряде надписей из Дакии упоминаются рабы и вольноотпущенники, которые получали свободу после смерти своих господ согласно их завещаниям и в посвященных им эпитафиях называют последних patronus optimus или bene merens⁵. В Сармизегетусе существовала особая коллегия рабов и вольноотпущенников (CIL, III, 7906). Наконец, из Дакии дошли договоры о продаже рабов. Договор от 139 г. н. э. сообщает о продаже шестилетней девочки родом из Далмации (CIL, III, стр. 936, VI), мальчика-грека (CIL, III, стр. 940, VII) и рабыни-критянки (CIL, III, стр. 959, XXI).

Надписи упоминают также о рабах, а еще чаще о вольноотпущенниках, состоявших на императорской службе: в таможенных, канцеляриях, взимавших пошлины при отпуске рабов на волю или налог на наследства, в управлении императорскими золотыми рудниками и даже в провинциальной администрации⁶. Хотя наличие рабов такой категории в Дакии и не может являться свидетельством их участия непосредственно в производительном труде, тем не менее этот факт определенно указывает на распространение в Дакии рабовладельческих отношений.

Однако анализ этих сведений убеждает в том, что наибольшее применение рабский труд имел в хозяйствах пришлого населения провинции.

¹ См. Т. Д. Златковская, Племенной союз гетов под руководством Биребисты (I в. до н. э.), ВДИ, 1955, № 2, стр. 85—86.

² С. И. Соболевский, Рабы в комедиях Аристофана как литературный тип, ВДИ, 1954, № 4, стр. 15.

³ Cass. Dio, LXVIII, 9, 1; Iord., Get., V, 40; XI, 71; Petr. Patr., фр. 5 (FHG, IV, стр. 185 сл.).

⁴ D. Tudor, Despre sclavai in Dacia Inferioare, SCIV, 1950, I, стр. 205.

⁵ CIL, III, 867; 1129; 1230; 1232; 1311; 1322; 1382; 1587a; 6249; 6269; 7640 (= 6249); 7908; 8042 (= 6281); 8052; 12567; 12569; 14216⁴; 14216⁵ и др.

⁶ CIL, III, 980; 986; 1079; 1088; 1351; 7837; 13798 и др.

В этой связи интересны данные Д. Тудора, на основании которых он заключает, что в сельском хозяйстве провинции труд рабов применялся в значительной мере. Однако это соображение может касаться только пришлого населения Дакии, поскольку все приводимые им сведения относятся к римским колонистам¹. Из окрестностей Суцидавы и Дробеты — с территорий современных Малой Валахии и Баната, являвшихся основными сельскохозяйственными районами провинции, — дошли многочисленные надписи, в большинстве своем эпитафии, II и отчасти III веков, посвященные рабами своим господам в благодарность за освобождение. Декуриону колонии Дробеты Септимию посвятили эпитафию трое его рабов. Раб Евтихий посвятил эпитафию своей госпоже Луцилии Секунде (CIL, III, 8052). Асклепий Асклепиад, называющий себя *patronus*, посвятил эпитафию своей вольноотпущеннице и жене Асклепии Хроне (CIL, III, 14216¹³). С помощью рабов велось и хозяйство ветеранов. Умершим ветеранам посвящают эпитафии их вольноотпущенники; иногда, в случае отсутствия прямых наследников, они наследуют также и имущество своего умершего господина. Юлию Бассу из Дробеты, ветерану легиона V *Macedonica*, посвятил эпитафию его вольноотпущенник и одновременно наследник Гельпизон, принявший и его родовое имя Юлий (CIL, III, 14216⁵). Публию Элию Диофанту, ветерану когорты V *Gallorum*, также посвятили эпитафию его дочь Элия Аммис и его вольноотпущенница и, видимо, жена Элия Евтихия. Обе они называют себя и его наследницами (CIL, III, 14216⁴). Домиций Януарий, ветеран легиона IV *Flavia*, назван *patronus optimus* в эпитафии, посвященной ему его вольноотпущенником Эпиподием, получившим также родовое имя и наследство своего умершего господина². Вольноотпущенник Лициний Евпреп также называет в эпитафии своего хозяина-ветерана *patronus* (CIL, III, 1382). Поскольку тексты эпитафий упоминают обычно одного — трех вольноотпущенников, недавних рабов ветерана, то это, повидимому, свидетельствует о том, что число рабов в хозяйстве ветеранов было очень невелико.

Труд рабов использовался в Дакии и в рудниках. Надпись от 167 г. н. э. из *Alburnus Maior* (совр. рум. *Roşia Montana*) сообщает о роспуске в связи с событиями Первой Маркоманской войны *collegium funeraticum*, состоявшей из рабов и вольноотпущенников, занятых на работе в этих рудниках (CIL, III, стр. 925, I). Рабский труд использовался также и в ремесленном производстве, которое в Дакии вообще было очень развито; на что указывает существование в провинции большого числа ремесленных коллегий: *fabrum*, *centonariorum* и др.³. Надпись из Суцидавы III века называет рабов — мастера Антония и кожевника Тита, — получивших свободу после смерти своего господина Квинта Филиппика, бывшего знаменосца легиона V *Macedonica*, уроженца Эдессы, являвшегося, видимо, владельцем ремесленной мастерской (CIL, III, 14492). Надписи сообщают также и о рабах, принадлежавших, повидимому, к *familiae urbanae* римских граждан провинции. Таким образом, в хозяйствах римских граждан, в частности ветеранов и декурионов, рабский труд, несомненно, использовался.

Что же касается использования рабского труда в хозяйствах неримского населения, то данные источников по этому вопросу крайне ограничены: почти все надписи из Дакии происходят из римских городов и крепостей и принадлежат пришлому населению провинции. В большей мере источники, упоминающие рабов или вольноотпущенников в связи с нерим-

¹ D. Tudor, SCIV, 1950, I, стр. 206—207.

² D. Tudor, SCIV, 1950, I, стр. 207, № 7.

³ И. Т. Кругликова, К вопросу о романизации Дакии, ВДИ, 1947, № 3, стр. 223—224.

ским населением провинции, относятся к его иллирийской части и, следовательно, пришлой. Так, договоры из *Alburnus Maior* о продаже рабов (CIL, III, стр. 936, VI; стр. 940, VII) в качестве покупателей и продавцов рабов называют иллирийцев¹. Эти иллирийцы из племени пирустов прибыли в Дакию из Далмации, повидимому, еще во времена Траяна, когда здесь в районе разработки золота он поселил горнорабочих: Дасий Версоний, продающий шестилетнюю Пассию, так и называет себя *Pirusta ex Kavieretio*. Первый из названных договоров от 139 г. сообщает, что Максим Батон купил у Дасия Версония шестилетнюю рабыню Пассию за 250 денариев; второй договор от 142 г. такого же типа: Дасий Бревк купил за 600 денариев мальчика-грека у Беллика Александра, также, видимо, грека. Эти свидетельства об использовании труда рабов поселившимися в Дакии иллирийцами дополняются сведениями эпитафий: Айе Нандону, происходившему, видимо, из Паннонии, о чем свидетельствует его кельто-паннонское имя², посвятил эпитафию его вольноотпущенник Геркулан, называющий его *patronus bene merens* (CIL, III, 917). Свидетельства такого рода относительно дако-фракийского населения провинции почти отсутствуют. В том случае, когда таковое имеется, оно относится к верхним романизированным слоям местного населения, что не дает возможности судить обо всей картине в целом. Однако в хозяйствах романизированных даков рабский труд, повидимому, также применялся. Эпитафия из окрестностей Суцидавы называет дака Элия Валента Эсбена (на его происхождение указывает его *agnomen*)³, предки которого или он сам уже при Адриане получили права римского гражданства. Его бывшая вольноотпущенница, а потом жена (*coniux et liberta*) Элия Сира (*Syra*) и вольноотпущенник Фортунат посвятили ему эпитафию, где Эсбен назван *patronus* [CIL, III, 8040 (=6284)].

Эта надпись, упоминающая рабов в связи с коренным дако-гетским населением провинции, является, насколько мне известно, единственной, что само по себе уже может свидетельствовать о незначительном применении рабского труда в хозяйствах местного населения. К тому же высокая стоимость раба в Дакии по сравнению с другими провинциями, на что обратила внимание Е. М. Штаерман⁴, заставляет предполагать, что рабский труд не мог быть преобладающим и основным не только в хозяйствах местного крестьянского населения провинции, но и в хозяйствах римлян и романизированных даков. Высокая стоимость раба в Дакии особенно разительна, если ее сравнить, например, со стоимостью раба в Африке. Если в Африке средняя цена раба-пастуха для II—III вв. определялась в 50 денариев, то в Дакии во второй половине II в. цены на рабов были на много выше. Шестилетняя девочка-рабыня из Далмации, как уже говорилось, стоила 250 денариев (CIL, III, стр. 936, VI), мальчик-раб — 600 денариев (CIL, III стр. 940, VII), а рабыня-женщина — 420 денариев (CIL, III, стр. 959, XXV). При этих условиях труд рабов не мог быть основным ни в частном сельском хозяйстве, ни в ремесле, ни в рудниках, разрабатываемых частными лицами. Но в этом случае позволительно допустить использование в Дакии труда иных категорий и, видимо, в значительных масштабах. Эпиграфические данные определенно указывают на использование свободного наемного труда в императорских золотых рудниках Дакии. Уже Траян поселил в районе разработок

¹ Ion I. R u s s u, *Onomasticon Daciae*, «An. Inst. St. Cl.», III (1941), стр. 200, № 14; стр. 202, № 34; стр. 203, № 62.

² Ion I. R u s s u, ук. соч., стр. 200—201, № 19.

³ Ion I. R u s s u, ук. соч. стр. 212, № 27.

⁴ Е. М. Штаерман, Рабство в III—IV вв. н. э. в западных провинциях Римской империи, ВДИ, 1951, № 2, стр. 98.

золота свободных горнорабочих из Далмации из племени пирустов, образовавших в Дакии собственное поселение—*vicus Pirustarum*. Затем в Дакии появляются горняки из другого далматинского племени — баридустов¹, горняки из Паннонии, а также из восточных провинций—Галатии и Вифинии². Это переселение горнорабочих в Дакию из других провинций могло бы свидетельствовать об обезлюдении страны после Траяновых войн, если бы не было известно, что на разработках золота работали и сами даки³.

Эти квалифицированные горнорабочие, переселенные в Дакию из провинций, где горное дело было высоко развито, работали, видимо, только на рудниках, непосредственно эксплуатировавшихся императорским правительством; поэтому самый факт использования здесь свободного наемного труда еще не дал бы возможности судить о большой степени его распространения в рудниках Дакии, если бы свидетельства источников ограничивались только этими данными, хотя и достаточно красноречивыми. Из Дакии дошел, однако, также ряд контрактов от второй половины II в., заключенных между кондукторами (*conductores*) небольших золотых рудников и лицами, нанимавшимися к ним на работу, отдававшими себя и свой труд в распоряжение нанимателя. Такие контракты составлялись особыми писцами, что указывает на их значительное распространение, а следовательно и на широкое предложение труда такого рода. Труд наемных рабочих на частных рудниках стоил очень дешево, если иметь в виду стоимость раба в Дакии в это же время. Договор от 163 г. сообщает, например, что нанявшийся на работу в частный рудник получает 70 денариев (*CIL*, III, стр. 946, XI). Текст договора сохранился неполностью, и поэтому установить, за какой срок полагалась такая плата, невозможно. Однако текст другого договора, от 164 г., отмечает, что 70 денариев нанявшийся получал за работу с мая по ноябрь — XIII *Kalendas Iunias ad Idus Novembres* (*CIL*, III, стр. 948, X). Следующий договор сообщает, что нанявшийся на работу также до ноябрьских ид получает уже больше — 105 денариев, однако не указан срок, с которого он приступает к работе (*CIL*, III, стр. 949, XI). Таким образом, плату в 70 денариев, поскольку она определена в двух из трех дошедших до нас контрактов, можно считать средней за работу в течение, примерно, полугодового срока.

Наличие дешевого свободного наемного труда позволяет предположить использование его не только в дакийских рудниках, но, видимо, также и в сельском хозяйстве, поскольку *familiae rusticae* римских землевладельцев, а ими в Дакии являлись преимущественно ветераны, были весьма немногочисленны. Происхождение же этого свободного наемного труда в Дакии следует искать в характере земельных отношений в провинции. В классовом обществе в условиях развитых товарно-денежных отношений постоянно имеется тенденция к образованию крупного землевладения за счет разорения мелкого свободного производителя-крестьянина и вследствие разложения сельской общины. Маркс отмечал, что мелкий способ производства, встречающийся и при рабском строе, на известном уровне развития сам создает материальные средства для своего уничтожения. Уничтожение этого способа производства в земледелии происходит путем экспроприации земли у широких народных масс⁴.

¹ Ion I. Russu, ук. соч., стр. 205, № 87. «Dacia», VII—VIII, стр. 302. Баридусты имели свою коллегию.

² «Dacia», VII—VIII, стр. 301—302.

³ C. Daicoviciu, *Siebenbürgen im Altertum*, Bucurest, 1943, стр. 126.

⁴ См. К. Маркс, *Капитал*, I, М., 1951, стр. 764—765.

До римского завоевания Дакия была преимущественно сельскохозяйственной страной. Даки знали обработку земли, занимались виноградарством, разведением крупного и мелкого рогатого скота¹. Этот сельскохозяйственный характер страна сохранила и в римское время. Уже в самом начале римского владычества Дакия стала житницей Римской империи, кормившей войска ее восточных областей². Повидимому, основные массы местного населения провинции были связаны с сельским хозяйством, занимались земледелием и скотоводством, в частности коневодством. Так, в Дакии разводилась хорошо известная на Дунае порода язигских лошадей³.

В связи со всем этим для Дакии представляется возможным говорить о существовании во II—III вв., повидимому, весьма распространенного местного крестьянского землевладения и сельской общины с обязательным ее условием совместного владения пахотной землей и пастбищами для скота. Остановливаясь на характеристике социальной структуры римского общества I—II веков, Энгельс отмечал, что, наряду с неимущими свободными в городах, в провинциях имелись еще свободные землевладельцы, местами даже с общинным владением землей⁴.

Ряд свидетельств указывает на существование в римское время в Дакии как сельской общины, так и значительных слоев крестьянского населения. Существование у дако-гетов в I в. н. э. сельской общины или земельных отношений, близких по своему характеру тем, которые обычно ее отличают, подтверждается свидетельством Флавия Иосифа (AI, XVIII, 18—22), не говоря уже об общеизвестном известии Горация о наличии общинной собственности у гетов в более ранний период. Флавий Иосиф отмечает, что у даков имеется много общего с иудейской религиозной сектой ессеев (эссенов, как их называет Иосиф). Ессеи же признавали только общую собственность, жили общинами, каждая в особом доме, имели общий стол и делили поровну доходы. Занимались они земледелием, скотоводством, пчеловодством и ремеслами. Если у даков I века н. э., а они могли стать известными Флавию Иосифу, повидимому, в это время, существовали отношения, похожие на те, которые наблюдались у ессеев, то в этом свидетельстве Флавия Иосифа следует видеть подтверждение наличия у даков в I в. н. э. сельской общины. Это тем более вероятно, что и от конца II в. н. э. имеются свидетельства, подтверждающие существование у дако-гетов и в это время общинного землевладения. Хотя говорящая об этом надпись происходит из Нижней Мезии (CIL, III, 14437²) и в качестве наместника провинции назван Публий Гельвий Пертинакс, который действительно в период времени между 175—177 гг. являлся поочередно наместником Нижней и Верхней Мезий, а затем между 177—179 гг. и наместником Дакии⁵, речь в надписи идет о даках. Эта надпись содержит лакуны, однако, текст ее, как мне кажется, может быть прочитан следующим образом: «Termin(i) pos(iti) t(erritorii) c(ivitatis) Ausdec... adver(sus) Dac(os) secun[d(um)] act(orem) c(ivitatis) Vexarus T... Opus h(oc) excessent Dac(i). Term(ini) t(erritorii) c(ivitatis) obli[g(ati)] sint M. Sal(vius) P. ror term(inos) pos(uit) t(erritorii). Iussu Helvii Pertinacis co(n)s(ularis) n(ostri) per Anternium

¹ V. Pârvan, *Getica. O Protoistorie a Daciei*, București, 1926, стр. 132 сл.

² E. Gren, *Kleinasien und der Ostbalkan in wirtschaftlichen Entwicklung in mischer Kaiserzeit*, Uppsala, 1941, стр. 138—139.

³ E. Gren, *ук. соч.*, стр. 77.

⁴ Ф. Энгельс, *Бруно Бауэр и раннее христианство*, К. Маркс и Ф. Энгельс, *Соч.*, т. XV, стр. 606—607.

⁵ См. A. Stein, *Die Legaten von Moesien*, Budapest, 1940, стр. 50; он же, *Die Reichsbeamten von Dacien*, Budapest, 1944, стр. 48.

An[to]ninum trib(unum) coh. II...» «поставлены межевые знаки территории общины авсдеценсов по отношению к землям даков по согласию с управляющим общиной (далее следует его имя, правильность написания которого вызывает сомнения)... пусть даки выйдут за пределы этих межевых камней. Пусть межевые знаки территории общины будут соблюдаться. Поставил межевые знаки территории Марк Сальвий П... по приказу Гельвия Пертинакса, нашего консуляра, при посредстве Антерния Антонина, трибуна когорты II...»¹. Здесь надпись обрывается. Поскольку даки названы вне какой-либо определенной им территории (vicus, pagus, territorium), можно предполагать, что здесь имеются в виду земельные территории, находившиеся в пользовании одного из дакийских племен, и владения сельской общины авсдеценсов, соседившие с ними. Теперь между землями тех и других были поставлены межевые знаки. Что это могло быть именно так, доказывается примером Фракии, где также в римское время в ведении племен или сельских общин находились значительные земельные территории². Вообще наличие в римский период общинного землевладения во фракийских областях засвидетельствовано рядом надписей из Фракии (IGRR, I, 709; 813) и Нижней Мезии (CIL, III, 14447) о межевании полей, когда в случае выделения из общины устанавливались межевые знаки между землей, повидимому, прежнего общинника, ставшего теперь частным владельцем, и землями сельчан³.

Имевший место преимущественно в дунайских и рейнских провинциях обычай целым селом поставлять солдат в римские вспомогательные войска свидетельствует о сохранении в этих областях не только значительных слоев сельского населения и сельской общины, но также и элементов племенной организации. В Дакии, например, из дакийского племени саков Септимием Севером были образованы две когорты, причем обе они

¹ А. Д. Дмитриев, ВДИ, 1949, № 1, стр. 83, толкует эту надпись, как свидетельство усмирения Пертинаксом восставших даков и последовавшего затем возвращения римским колонистам участков земли, якобы захваченных у них даками в результате восстания. Однако, предполагать это нет никакой необходимости, так как формула «termini positi» является обычной в памятниках подобного рода (см. например, CIL, III, 14447 также из Нижней Мезии).

² А. Б. Ранович, Восточные провинции Римской империи в I—III вв. н. э., М. — Л., 1949, стр. 247—248.

³ CIL, III 14447: [i]jussu et ex decr[e
t]o vc Ovini Tert[ul]
li cos termini
positi inter
si ampudi [uil]
lam [et] vican
B[ir]ridave[ns]
et siri buendu
[ir] kalapr

«по приказу и на основании декрета светлейшего мужа Овиния Тертулла, консуляра, уставовлены межевые знаки между виллой Сиампуда и виканами бутеридавенсами и виканами сирibuенду... в календы апрельские...». Предлагаемое некоторыми (см. Т. Д. Златковская, Мезия в I и II веках нашей эры, ПАЭ, II, М., 1951, стр. 86—87) восстановление стк. 5 «[bes]si Ampudi» не может быть принято, так как для BES нет места ни в конце стк. 4 (см. CIL, III, 14447), ни в начале стк. 5; что BES не могло быть в конце стк. 4, видно также из окончаний стк. 3 и из дополнений в стк. 1 и 2; к тому же, если бы BES стояло в конце стк. 4 слово «[uil]lam» могло бы быть дописано в стк. 5, а не было бы перенесено в стк. 6; с левой стороны все строки надписи начинаются на одной вертикальной линии, это видно по стк. 3, 4, 6, 7, 8 и по восстановленным в стк. 1 и 2, откуда следует, что BES еще менее могло стоять в начале стк. 5. К тому же издатель надписи А. Домашевский читает имя владельца виллы как Siampudus (Siampudi — genit., см. CIL, III, suppl., 4, стр. 2636), Siribuendu... он считает наименованием виканов другого села: (vican(i) Siribuendu... (там же, стр. 2671).

остались стоять в Дакии — *cohors I* и *cohors II Aurelia nova Sacorum*. Севером Александром также была сформирована когорта *VI nova Cumidavenensium* из жителей Кумидавы, упоминаемой Птолемеем (III, 8, 4: πόλις Κουμίδαβα) и, видимо, являвшейся центром одного из дакийских племен¹. Формирование вспомогательных войск из даков продолжалось и в последующее время. Гордиан III также набрал когорту из даков и назвал ее своим именем: *cohors gemina Dacorum Gordiana miliaria*². Даки служили в войсках, стоявших в самой Дакии³, в других провинциях, например, в Африке в легионе III Augusta, и в преторианских когортах в Риме⁴.

Повидимому, местное сельское население Дакии оставалось значительным в течение всего римского периода, вплоть до эвакуации Дакии. Это подтверждается и тем, что отдельные его слои продолжали и в III в., после эдикта Каракаллы, рассматриваться как *dediticii*, а римское гражданство даки попрежнему получали, лишь вступая в легион или за службу в кавалерийских частях. Военный диплом из Дакии времени Севера Александра от 7 января 230 г. дает права римского гражданства даку⁵ Марку Аврелию Дециану, сыну Дециана, отслужившему в *equites singulares* в новом лагере Септимия Севера в Дакии⁶. Не являясь ни вольноотпущенником по *lex Aelia Sentia*, ни пленным варваром, поселенным в пределах провинции, этот дак продолжал, однако, и после издания эдикта Каракаллы оставаться на положении *dediticia*, и надо думать, не являлся единственным. В этом случае вполне возможно предположить, что Марк Аврелий Дециан принадлежал именно к тем слоям сельского населения провинции, которые рассматривались как *dediticii*. Повидимому, вплоть до середины III в., а может быть, и на протяжении всего III в. отдельные слои местного сельского населения в смысле территориальной и правовой организации находились на положении, в каком в свое время пребывало, например, известное фракийское племя бессов; последнее было лишено городского устройства, жило в пределах определенной территории и управлялось обычно военачальником⁷.

Сохранение в Дакии значительных слоев местного крестьянского населения давало возможность наряду с эксплуатацией труда рабов эксплуатировать труд крестьян-общинников. Применение труда рабов могло в значительной мере ограничиваться и тем, что носителями рабовладельческих отношений в Дакии являлись пришлые элементы из старых, более романизованных или эллинизованных провинций⁸, где ко II в. н. э., т. е. тогда, когда была завоевана Дакия, нерентабельность рабского труда стала уже очевидной. Что это было именно так, свидетельствует орга-

¹ М. Масгрев, Cumidava, «An. Inst. St. Cl.», IV (1944), стр. 237 слл.

² С. Даисовициу, Siebenbürgen..., стр. 110, перечисляет ряд войсковых соединений римской армии, составленных из даков: *ala I Ulpia Dacorum* и *cohors I Ulpia Dacorum*, созданные Траяном; *cohors I Aelia Dacorum miliaria*, учрежденная Адрианом; *cohors II Augusta Dacorum pia fidelis miliaria equitata* и *cohors III Dacorum equitata* — время их организации неизвестно; *cohors I(?)* и *cohors II Aurelia Dacorum*, созданные Марком Аврелием; *cohors I(?)* и *cohors II Aurelia nova Sacorum*, образованные Септимием Севером; *cohors gemina Dacorum Gordiana miliaria*, учрежденная Гордианом III; *numerus burgariorum et veredariorum Daciae inferioris* (CIL, III, 13795). Сюда следует добавить также упомянутую выше *cohors VI nova Cumidavenensium*, образованную Севером Александром.

³ Ion I. R u s s u, ук. соч., стр. 209, № 5; стр. 212, № 35; стр. 213, № 39.

⁴ ILS, 2204—2205; 2208—2209; 2042.

⁵ Е. М. Штатерман, К вопросу о *dediticii* в эдикте Каракаллы, ВДИ, 1946, № 2, стр. 87—88.

⁶ Ion I. R u s s u, ук. соч., стр. 210, № 11.

⁷ CIL, III, стр. 893, DM 51.

⁸ Переселенцы были и из Северной Италии (см. Ion I. R u s s u, *Descoperiri arheologice la Potaissa*, «An. Inst. St. Cl.», III (1941), стр. 327—330).

низация труда на императорских золотых рудниках Дакии, где с самого начала использовался труд свободных горнорабочих. Застав же в стране сельскую общину, римляне сохранили ее, приспособив ее институты для сбора податей и выполнения повинностей, а также для поставки солдат в римские войска; в этих условиях дакийское крестьянство продолжало оставаться основным производителем материальных благ в провинции. Но, консервируя общину в фискальных и административных целях, римляне в то же время насаждали частное землевладение. Как и в других провинциях, в Дакии в римский период усиленно развиваются частное землевладение и частная собственность на землю. Частное землевладение развивается прежде всего на территориях городов, возникающих в римский период как на основе древних дакийских поселений, так и заново. Частное землевладение составляло экономическую основу всех городов античного типа, независимо от их статуса. Для Дакии римского периода характерно возникновение римских городов наиболее привилегированного статуса—римских колоний—и наделение их италийским правом, что ставило граждан этих городов, владевших землей на их территориях, в наиболее привилегированное положение, в котором мог находиться муниципальный землевладелец на территории империи.

Как известно, граждане городов, наделенных *ius Italicum* имели право полной собственности на землю на основании *ius Quiritium*, такое же, как на италийской земле. На основании применявшихся положений римского права (*usucapio*, *mancipatio* и др.) земля могла быть подарена, продана, разделена между наследниками, сдана в аренду, в то время как вообще провинциальная земля являлась неотчуждаемой собственностью Римского государства (*dominium populi Romani*) и отдельным лицам давалось только право владения или пользования ею (*possessio* или *usus fructus*), даже, если они являлись римскими гражданами. Уже Септимий Север даровал *ius Italicum* Апулу и Напоке¹ и, возможно, Дробете². Каракалла, повидимому, предоставил положение колонии Потаиссе³, а Север Александр — Мальве, главному городу провинции *Dacia Maluensis* (CIL, III, стр. 839, DM 51). В 235 г. главный город провинции Сармизегетуса получил титул *metropolis*⁴. В 248 г. Филипп возвел в ранг колонии Ромулу (CIL, III, 8030), а в 250 г. Деций сделал колонией, повидимому, тот муниципий Апул, который учредил Север и который теперь, в отличие от старой колонии Апула, был назван Децием *colonia nova Apulensis* (CIL, III, 1176). Если в течение всего II в. статус колонии был пожалован только двум городам Дакии — Сармизегетусе Траяном и Апулу, военному центру провинции, лагерю легиона XIII *Gemina* Коммодом, то только за первую половину III в. шесть городов провинции получили этот статус.

¹ У л ь п и а н (Dig., I, 15, 1,8—9) включает в число городов, получивших от Севера *ius Italicum*, кроме Напоки и Апула, также Потаиссу и Дьерну. Однако Потаиссе было пожаловано *ius municipii*, и надписи определенно называют ее *municipium Septimium* (CIL, III, 913; 7689) или просто *municipium* (CIL, III, 903; 7804). Апулу (имеется в виду гражданский поселок, возникший вокруг стоянки легиона, получившей положение колонии уже от Коммода) также было предоставлено *ius municipii*, и надписи также называют его *municipium Septimium Apulense* (CIL, III, 1082—1083). Статус муниципия Север предоставил также Поролиссе («Dacia», VII—VIII, стр. 326 сл.), возможно, Тибиску (C. D a i c o v i c i u, Siebenbürgen..., стр. 122) и Ампелу («Dacia», VII—VIII, стр. 304, № 7). Дьерна во времена Севера также была муниципием (CIL, III, 14468) и позднее колонией (C. D a i c o v i c i u, Siebenbürgen..., стр. 121).

² Ульпиан не упоминает Дробеты, однако, надписи называют ее *colonia Septimia Drobeta* (CIL, III, 1209, 1570, 1580, 2679, 8019; AA, 28, стр. 386).

³ См. Ion I. R u s s u, «An. Inst. St. Cl.», III, стр. 324—325.

⁴ «Dacia», III—IV, стр. 548 слл.

Развитие частного землевладения в Дакии, как об этом свидетельствуют надписи, происходило преимущественно за счет наделения земель ветеранов, как на городских землях или легионных, так и на землях, изъятых из общинных земель¹. Последнее, повидимому, имело место всегда, когда землей наделялся ветеран из дакийских крестьян. Став солдатом римской армии, получив римское гражданство при поступлении или отставке, получив также на правах ветерана участок земли во владение, такой бывший крестьянин резко выделялся из среды своих односельчан: он был уже *possessor*, а они оставались *vicani*. С течением времени, вследствие длительного пользования таким владением, оно фактически превращалось в частную собственность.

Факт занятия сельским хозяйством ветеранов — владельцев мелких или средних вилл — находит подтверждение в широком распространении в Дакии культа сельских богов Либера и Либеры и особенно Сильвана. Посвящения Сильвану встречаются в окрестностях почти всех римских крепостей или военных лагерей Дакии — Поролисса и других римских лагерей Северного дакийского вала (CIL, III, 6248; 6256; 7628; 7637=6247), Миции, являвшейся одной из крупнейших военных крепостей в Дакии (CIL, III, 7850—7862), Амπεла (CIL, III, 1303—1306), Напоки (CIL, III, 7761) — и особенно часты в окрестностях Апула², откуда дошло также много надписей, упоминающих ветеранов³. Тексты посвящений Сильвану подтверждают, что на Дунае, как и в Италии, Сильван почитался как хранитель усадьбы и хозяйства.

Ветеранское землевладение носило преимущественно мелкий характер. Раскопки в районе Апула обнаружили остатки 20 небольших сельских вилл, владельцами которых, повидимому, были поселившиеся в этих местах ветераны⁴. Между ветеранами-землевладельцами и крестьянами соседних с их виллами дакийских сел, повидимому, складывались отношения зависимости-покровительства. Многие из них становились старостами сели или даже сельских округ. Гай Юлий Валент, ветеран легиона V *Macedonica*, являясь старостой села (*magister vici*) Веробриттиана, поставил алтарь гению этого села. Луций Атилиус Фаустин и Марк Вибий Роман в качестве старост сельской округи Миции поставили алтарь Юпитеру и Юноне за благополучие жителей этого пага. Поставил алтарь гению пага Миции его староста (*magister pagi*) Тиберий Аврелий Приман⁵. Являясь мелкими, а иногда и средними землевладельцами, ветераны принадлежали к сословию декурионов, принимали активное участие в общественной, муниципальной и религиозной жизни городов и выступали в качестве эдилов, декурионов, жрецов, патронов различных ремесленных коллегий⁶.

Что касается крупного землевладения, то вряд ли можно утверждать, что оно существовало в Дакии в сколько-нибудь значительной степени.

¹ О том, что подобная практика имела место в дунайских провинциях, свидетельствует надпись на межевом камне с территории племени скордисков из Паннонии: надпись сообщает, что солдату римской алы был предоставлен участок земли, изъятый из земель села. На одной стороне межевого камня значилось: *ag(er) ex(ceptus) vici Iosi...adsignatus*, «поле, изъятое из села Иоси..., адсигнировано», и на другой: *(apud) a(ri) e(xcepti) Ti(berio) Cl(audio) Prisco praef(ecto) al(ae) I c(ivium) R(omanorum)*, «начало поля, изъятото для Тиберия Клавдия Приска, префекта алы I римских граждан» (АЕр., 1911, 237).

² CIL, III, 1141—1147; 1149—1155; 7772—7775.

³ CIL, III, 1044; 1078; 1091; 1100—1101; 1108, 1155, 1158, 1183—1184; 1194; 1203; 7754; 7796; 7798. L. W. Jones, *The cults of Dacia*, California, 1929, стр. 258, насчитывает из Дакии 47 посвящений Сильвану.

⁴ *S. D a i c o v i c i u*, *Siebenbürgen...*, стр. 125, прим. 1. К сожалению, сами материалы раскопок остались мне недоступными.

⁵ CIL, III, 1407; 7582 (=1350); 7847(=1405); RA, XXXVIII(1910), стр. 334, № 41.

⁶ CIL, III, 805; 7980; «Dacia», III—IV, стр. 548 сл.

По мнению Д. Тудора и В. Пырвана, в Дакии, на территориях современных Баната и Малой Валахии, существовало крупное землевладение. В. Пырван обосновывает это утверждение, анализируя эпитафию уже упомянутого выше Элия Валента Эсбена. Исходя из того, что эпитафию Эсбену посвятили его жена Элия и вольноотпущенник Фортунат, В. Пырван заключает, что Эсбен имел многочисленную *familia rustica* и обширные земельные владения в окрестностях Суцидавы, причем Фортунат являлся управляющим (*actor*) его имений¹. Д. Тудор привлекает две другие эпитафии: одну из области Дробеты, другую также из Суцидавы. В первой из них, относящейся к III веку, назван декуршон колонии Дробеты Септимий, эпитафию которому, как считает Д. Тудор, посвятили трое его рабов из *familia rustica*, двое из них — Септимий и Перегрин — названы в эпитафии; во второй эпитафии названа Луцилия Секунда, эпитафию которой посвятил ее раб Евтихий². Однако сам текст эпитафий не дает основания считать ни Септимия, ни Луцилию Секунду крупными земельными собственниками, хозяйство которых основывалось на использовании труда многочисленной *familia rustica*. Скорее, наоборот, число рабов у них было весьма незначительно, так как, несмотря на то, что эти рабы были, видимо, «благонамеренными» и любящими своих господ (в противном случае они вряд ли поставили бы им надгробия), ни Септимий, ни Луцилия Секунда, однако, не даровали им свободы и не завещали сделать это после их смерти. Эпитафию Эсбену посвятили сообща его вольноотпущенник и жена Эсбена Элия, также в прошлом бывшая рабыней (*coniux et liberta*) и затем вследствие отпуска на волю принявшая имя своего патрона и одновременно мужа. Но подобные браки были явлением обычным среди простых людей: крестьян, ветеранов, солдат, и вряд ли это могло иметь место, если бы Элий Валент Эсбен был человеком богатым и являлся крупным земельным собственником.

Вообще на сравнительно слабое развитие крупного землевладения на Дунае указывает, возможно, и малочисленность в составе сената представителей дунайских провинций: так, на всем протяжении времени от Септимия Севера до Диоклетиана в составе сената было только пять уроженцев этих краев и притом все пять — будущие императоры (Деций, Клавдий II, Аврелиан, Проб, Диоклетиан)³. Что же касается Дакии, то списки сенаторов от времени Севера до Карина не содержат ни одного представителя и уроженца Дакии⁴. Однако эти соображения отнюдь не исключают того, что в Дакии крупное землевладение постепенно развивалось; сложилось оно в дунайских провинциях, повидимому, лишь к IV в. н. э.⁵ Преобладало в Дакии мелкое и среднее землевладение. В этом отношении весьма характерны эпитафии из Малой Валахии, посвященные римским гражданам, владельцам небольших, повидимому, вилл,

¹ V. P á r v a n, *Dacia. An outline of the early civilisation of the Carpatho-Danubian countries*, Cambridge, 1928, стр. 194.

² D. T u d o r, *SCIV*, 1950, I, стр. 206—207.

³ P. L a m b r e c h t s, *La composition du sénat romain de Séptime Sévère à Dioclétien*, Budapest, 1937, стр. 80.

⁴ G. B a r b i e r i, *L'Alto Senatorio da Settimio Severo a Carino*, Roma, 1952, стр. 442, отмечает, что в списке сенаторов от времени Севера и Каракаллы содержится пять сенаторов, уроженцев дунайских стран: два сенатора по происхождению из Далмации, два (причем сведения о них не достоверны) из Мезии и один сенатор из Норика, также точно не установленный. От времени Макрина до Севера Александра списки упоминают трех сенаторов из дунайских провинций: одного из Далмации и двух из Паннии, причем свидетельства об одном из них недостоверны (G. B a r b i e r i, *ук. соч.*, стр. 447). От времени Максимиана до Карина в списке значатся два сенатора из Далмации и четыре из Паннии (*ук. соч.*, стр. 453).

⁵ Е. М. Ш т а е р м а н, ВДИ, 1951, № 2, стр. 104.

например, семьи Кокцев, с достоинством отмечающих, что они умерли на своей вилле (CIL, III, 13737; 14214²⁰).

Таким образом, имеющиеся в нашем распоряжении данные, хотя и ограниченные, все же создают достаточно определенное впечатление, что в Дакии рассматриваемого времени основными фигурами в сельском хозяйстве были мелкие и средние *possessores* (римские граждане или даки, получившие римское гражданство, владевшие виллами на правах частной собственности) и *vicani*, крестьяне-общинники, причем нередко *possessores* получали свои участки из общинного земельного фонда. Особенно интенсивно развивалось частное землевладение в III в., в течение которого набор в римские войска происходил преимущественно из населения дунайских провинций, за чем следовало наделение ветеранов землей. Только Северами были набраны из населения этих областей четыре легиона — три Парфянских легиона Септимием Севером и IV *Italica* Севером Александром (RE, XII, 1, 1925, стб. 1329). Такая практика, несомненно, подрывала основы общинного землевладения.

Разложению общины способствовал также рост в провинции денежного обращения, который вызывался наличием в Дакии большого числа войск: солдаты в течение срока службы и ветераны после ее окончания получали большие денежные вознаграждения; сумма выплаты в год одному легиону в III в. составляла примерно около 5 млн. денариев¹. Следовательно, воины, стоявшие в Дакии, получали, повидимому, около 15 млн. денариев, так как в провинции, кроме двух легионов, находилось большое число вспомогательных войск.

Развитие товарно-денежных отношений в классовом обществе и само по себе всегда ведет к разорению части крестьянства; эти отношения, по выражению Энгельса, являются той разъедающей кислотой, которая разрушает все остатки первобытно-общинных отношений. Еще более ускорялся этот процесс в покоренной стране, где основная масса населения была обложена тягчайшими поборами и повинностями. Уже Траян ввел поземельный налог — *tributum soli* (Lact., *De mort. pers.*, 23), уплачиваемый всеми, кроме лиц, владевших землей по *ius Italicum*. После того как была обмерена вся пахотная земля, она, как и в Паннонии, была разделена на податные округа в зависимости от ее качества и пригодности для занятия сельским хозяйством. Все свободное население провинции как обладавшее, так и не обладавшее земельной собственностью, за исключением некоторых категорий, специально из этого изъятых, например римских граждан, платило подушный налог — *tributum capitis*². Кроме того, в Дакии, существовали косвенные налоги, ложившиеся, тяжелым бременем в первую очередь на крестьян. Большой доход императорской казне приносила также таможенная пошлина, взимаемая в размере двух процентов со всех ввозимых в Дакию товаров. До времени Марка Аврелия сбор таможенной пошлины сдавался на откуп откупщикам и производился их рабами (*servi vilici*), что создавало неограниченные возможности для злоупотреблений³.

Повинности и поборы увеличились в III в. в связи с хозяйственными затруднениями империи в годы кризиса. Несомненно, что взимание *augur soronarum* стало особенно обременительным в связи с частой смелой императоров в период кризиса III века. Каждая новая узурпация на Дунае в III в. тяжело отзывалась на положении низших слоев населения

¹ E. Gren, ук. соч., стр. 136.

² В Дакии были введены также налоги на наследство и на отпуск рабов на волю, взимавшиеся в размере от 5 до 10%, уплачиваемые, впрочем, только римскими гражданами.

³ N. G o s t a r, *Vamile Daciei*, SCIV, 1951, II, стр. 166.

провинции, которые должны были поставлять продукты питания, лошадей и пр. для армии узурпатора. Теперь римские власти стараются получать налоги не только с населения провинции, но и вне ее рубежей. Надпись из Напоки от времени Гордиана III сообщает, что солдат легиона XIII Gemina Gordiana был послан для проведения ценза в область за Северным валом (CIL, III, 827:...a censibus subsignavit Samum cum regione trans vallum). В сильнейшей степени убыстряла разорение крестьянства также удерживавшаяся в Дакии и в III в. откупная система использования пастбищ, при которой дакийские крестьяне вынуждены были арендовать у откупщиков участки пастбищ, покупать у них фураж или платить деньги за выгон скота. В III в. известен был в Дакии крупный делец, римский всадник Публий Элий Стренуй, который стоял во главе объединения откупщиков пастбищ и салин Дакии. Он был патроном коллегии кузнецов, ткачей и судовладельцев, жрецом алтаря Августа, авгуром и дуумвиром Сармизегетусы, авгуром колонии Апула, декурионом колонии Дробеты (CIL, III, 1209). Повидимому, этот Публий Элий Стренуй не был единственным представителем откупщиков и всякого рода дельцов, появившихся в Дакии с установлением римской власти и извлекавших из страны огромные богатства с помощью откупных операций и эксплуатации ее природных ресурсов (например, золото все шло в Рим, причем добыча его выражалась несколькими тысячами килограммов в год)¹. Широкое распространение свободного наемного труда в рудниках Дакии, где работали также и даки², и его дешевизна и являются косвенным, но ярким доказательством разорения дакийского крестьянства.

Таким образом, прервав естественное историческое развитие Дакии, римское завоевание перенесло туда те формы рабовладельческих отношений, которые к тому времени сложились в более развитых областях римского мира. Именно поэтому, повидимому, в Дакии столь часто встречаются надписи, упоминающие вольноотпущенников, и нет никаких данных о применении массового рабского труда, кроме свидетельств о работе рабов (но еще в большей степени — свободных) на императорских золотых рудниках Дакии. При наличии больших контингентов разоряющегося крестьянства, которое составляло удобный объект для различных форм эксплуатации, рабский труд должен был представляться в Дакии особенно невыгодным. Дешевизна наемного труда также ограничивала применение труда рабов. Дакийское же крестьянство находилось одновременно и под гнетом своих непосредственных эксплуататоров — римских и романизированных землевладельцев — и под гнетом римской администрации и римского государства в целом. Социальной дифференции и постоянному распаду на крупных и мелких землевладельцев подлежало также и землевладение граждан римских колоний и ветеранское землевладение за пределами городов.

Вследствие этого социально-экономические отношения в Дакии во II—III вв. н. э. вовсе не являлись типичными для рабовладельческого общества, взятого в его чистом виде, когда, с одной стороны, стоит рабовладелец, а, с другой, ему противопоставлен раб в качестве основного производителя материальных благ. Существование значительных слоев крестьянского населения ограничивало внедрение труда рабов как в хозяйства римлян или романизированных богатых даков, которые, используя труд рабов, могли привлекать на работу и разоряющихся крестьян-общинников, так и в хозяйства самих дакийских крестьян, которые в основном могли рассчитывать на силы членов собственной семьи и, в случае

¹ C. Daicoviciu, Siebenbürgen..., стр. 125.

² C. Daicoviciu, Siebenbürgen..., стр. 126.

надобности—на односельчан. Поэтому в Дакии после римского завоевания сложилось своеобразное положение: рабовладельческие отношения развились там в весьма ограниченных размерах и в формах, модифицированных влиянием кризиса рабовладельческого способа производства по всей империи в целом; сохранялся значительный слой общинного крестьянства, и в то же время развитие частного землевладения и эксплуатация со стороны римского государства имели своим результатом разорение крестьянства. Все это приводило к тому, что Дакия должна была стать очагом антиримских народных движений. Движение *latrones*, принявшее в Дакии большой размах уже во II в., является, несомненно, проявлением острого недовольства со стороны крестьянства римским господством вообще и одновременно свидетельствует о той напряженной борьбе, которая происходила между развивавшимся частным землевладением и попадавшим в зависимость от *possessores* крестьянским хозяйством. Повидимому, такое положение было общим для всех дунайских провинций, о чем свидетельствует повсеместное распространение на Дунае крестьянских выступлений. Крестьянство являлось той силой, которая постоянно противодействовала римской власти, а в момент величайших затруднений империи выступила, видимо, столь решительно, что римляне оказались вынужденными эвакуировать провинцию.

К сожалению, отсутствуют прямые данные источников о выступлениях *latrones* в Дакии в III в.¹, однако ряд косвенных свидетельств определенно указывает на чрезвычайно напряженное внутреннее положение в провинции. В Дакии увеличивается со времени Северов количество войск полицейского назначения: *beneficarii*, *stationarii* и др.; солдаты этих войск становятся магистратами городов и принимают активное участие в общественной жизни провинции. Вдоль внутренних дорог провинции, идущих через ее центр (например, дорога из Дробеты в Сармизегетусу), возводятся каменные укрепления военного характера (CIL, III, 14485^a). Повидимому, волнениями внутри Дакии или движениями варварских племен на ее границах следует объяснить и оставление Севером обоих легионов Дакии, когда он почти со всем дунайским войском отправился на восток против Нигера. Легионы Дакии не приняли участия ни в войне против Нигера (193—194 гг.), ни в Первой Парфянской войне Севера (195 г.).² Назначение в это время наместником провинции брата императора Публия Септимия Геты (CIL, III, 905) также, повидимому, указывает на то особое значение, которое имела в это время Дакия в римской обороне на Дунае.

Однако не следует упускать из виду и факторы политического, военного и географического характера и их действительную роль в оставлении Дакии римлянами. В связи с этим представляется совершенно необходимым проследить отношение к Риму не только низших, но и других социальных слоев населения Дакии в той мере, в какой это позволяют сделать источники.

¹ Эпиграфические свидетельства из Дакии от времени после Северов вообще ограничены. Так, например, отсутствуют сведения о разработке дакийских золотых рудников и сборе таможенной пошлины. Юлий Патерн (CIL, III, 1565) от времени императора Каракаллы является последним известным из Дакии таможенным прокуратором. Однако вряд ли можно предположить, что уже с этого времени таможенная пошлина перестала собираться и что совсем прекратилась добыча золота. В это время золото было особенно необходимо и для содержания многочисленных римских армий и для уплаты дани варварским племенам. Повидимому, скудость эпиграфических свидетельств из Дакии, особенно со второй половины III в., может быть объяснена тем, что в течение всего III в. Дакия являлась настоящей *via gentium*.

² G. J. Murphy, The reign of the emperor L. Septimius Severus from the evidence of the inscriptions, Philadelphia, 1945, стр. 15.

Отсутствие или по крайней мере слабое развитие крупного землевладения в Дакии не позволяет предполагать здесь наличия организованной и могущественной аристократии в таких масштабах, как это было в Африке и особенно в Галлии, а следовательно и наличия резко выраженных сепаратистских стремлений, носителем которых обычно являлась провинциальная аристократия, хотя именно история Галлии свидетельствует, что одних сепаратистских стремлений, если даже они и носили длительный характер, было вовсе еще недостаточно для падения в стране римской власти. Существующие источники в некоторой мере дают возможность выявить отношение провинциальной знати и городов, представителей провинциальной администрации и легионов в годы кризиса к Риму и центральной императорской власти.

Наиболее отчетливо позиция высших социальных слоев Дакии выявилась в отношении провинции к правлению Максимиана. В буржуазной историографии совершенно неправильно рассматривают Максимиана либо как ставленника солдатско-крестьянских низов¹, политика которого была будто бы резко враждебна правящему классу империи, либо как якобы первого императора германской крови, воплотившего в себе идею о превосходстве молодых германских народов над старым, подвергшимся тлетворному влиянию Востока Римом². Для поставленного выше вопроса весьма важно попытаться выяснить, в какой мере Максимиан был признан в дунайских провинциях. К сожалению, сведения источников об этом весьма неопределенны. Однако сопоставление их в некоторой мере позволяет выяснить суть вопроса. Капитолин сообщает, что после того, как сенатом была выбрана для борьбы с Максимианом комиссия из 20 сенаторов и в провинции были отправлены послы с требованием отпасть от Максимиана и встать на сторону сената, повсюду будто бы были перебиты друзья, магистраты, военные вожди и солдаты Максимиана³. Однако, по крайней мере в отношении Дакии, это сообщение оказывается неверным. Из Сармизегетусы дошли две надписи от 238 г., представляющие собой посвящения богам, сделанные римским всадником Квинтом Аксием Элианом, который, будучи прокуратором, по видимому, *Dacia Apulensis*, управлял *vice praesidis* всеми тремя Дакиями. Он являлся также патроном Сармизегетусы, община которой поставила ему статую. В надписи на пьедестале статуи содержится *cursus honorum* Квинта Аксия Элиана (CIL, III, 1456), обычный для римского всадника: из него известно, например, что в правление Севера Александра Элиан был прокуратором личного имущества императора в Мавретании Цезарейской; об этом свидетельствует также надпись из Африки (CIL, VIII, 8812). Обязанности наместника провинции Дакии, будучи прокуратором, он исполнил дважды (*bis vice praesidis*): при Максимиане и при Гордиане III. Текст одного из двух посвящений богам, сделанных Квинтом Аксием Элианом, дает основание полагать, что в течение нескольких месяцев после гибели Максимиана Дакия в лице своего наместника не признавала власти сенатских императоров Пупиена и Бальбина. Основанием этому служит то, что в словах *procurator Aug(g.)* (CIL, III, 1422) счищено второе *g*, которое, несомненно, было, так как следы его отчетливо видны на этой надписи, и в надписи CIL, III, 1423 это второе *g* сохранилось. Наличие же двух *g* может объясняться только тем, что Квинт Аксий Элиан являлся прокуратором двух Августов—Максимиана и его сына Максима. Если бы Квинт Аксий

¹ M. I. R o s t o v z e f f, *The social and economic history of the Roman empire*, Oxf., 1926, стр. 411—412; 442—444.

² F. A l t h e i m, *Die Krise der alten Welt im 3. Jahrhundert und ihre Ursache*, В., 1943, стр. 119—122.

³ SHA, Max. duo, 15,4; см. также H e r o d i a n., VII, 7,7; Z o s., I,14.

Элиан встал на сторону сената в правление Пупиена и Бальбина, второе *g* должно было бы остаться, так как он перешел бы со службы двум Августам—Максиминому и его сыну—на службу другим двум Августам—Пупиену и Бальбину. Но раз оказывается счищенным второе *g*, значит в том же 238 г. Квинт Аксий Элиан был прокуратором Дакии уже одного Августа, а им мог являться только Гордиан III¹. Прекрасно сознавая значение своего поведения по отношению к Риму, Квинт Аксий Элиан опасался немилости Гордиана III. Свидетельством этому является обет богам-хранителям, который выполнил его сын *pro patris incolumnitate*², видимо, по случаю того, что Квинт Аксий Элиан Старший благополучно избежал опалы. Можно, таким образом, полагать, что в течение нескольких месяцев после гибели Максимиана Дакия в лице своего наместника не признавала власти Рима и сенатских императоров. Трудно предположить, чтобы Элиан решился держать сторону Максимиана в его борьбе с сенатом по собственному произволу. Повидимому, Максимиана поддерживали провинциальные войска и остальная провинциальная администрация.

О расположении к Максиминому дунайских провинций свидетельствуют и посвящения из Нижней Мезии в честь его и его сына³. Максимиана поддерживала также Паннония⁴.

Можно ли определить, какие именно слои провинциального населения поддерживали Максимиана? В основе своей поддержка Максимиана дунайскими провинциями имеет причиной возросшее хозяйственное значение этих областей для всей империи и связана с существованием здесь значительных слоев свободного крестьянского населения. Но если крестьянство в массе своей являлось элементом, резко враждебным Риму, то армия была тесно связана с императорской властью, поскольку все свои материальные и политические привилегии солдаты и ветераны получали от самого императора. Солдат, как поступивший в армию, так и отслуживший срок, резко выделялся из среды крестьян. После службы он становился мелким, а возможно, с течением времени и средним землевладельцем; ему открывался доступ в *ordo* и к городским магистратурам, он мог стать декуратором, эдиллом, жрецом. Теперь и его интересы и новое социальное положение в большинстве случаев становились резко отличными от интересов и положения крестьян. Но, если армия представляла

¹ На это обратил внимание еще O. S e e k, *Die Entwicklung der antiken Geschichtsschreibung und andere populäre Schriften*. B., 1898, стр. 219—220. A. S t e i n, *Die Reichsbeamten von Dacien*, стр. 71, считает, что двумя Августами могли являться африканские Гордианы или итальяйские Пупиен и Бальбин. Что касается Гордианов I и II, то поскольку правление их было весьма кратковременным и они были признаны лишь в Африке и в Италии, вряд ли можно всерьез полагать, что из Африки Гордианы распорядились назначить нового наместника в Дакию, столь отдаленную не только от Африки, но даже и от Италии, и притом в то время, когда вся Северная Италия контролировалась Максимином, а его войска стояли под Аквилеей. Исключается также предположение, что этими двумя Августами являлись Пупиен и Бальбин. В самом деле, если бы именно они назначили Квинта Аксия Элиана наместником Дакии, в надписи должно было стоять *procurator Auggg. t. e. tri g*, поскольку он являлся бы прокуратором трех Августов: Пупиена, Бальбина и почти одновременно с ними избранного Гордиана III. Наконец, даже если бы Квинт Аксий Элиан был назначен Пупиеном и Бальбином до того, как был провозглашен Августом Гордиан III, то, оставшись наместником Дакии и при Гордиане III, он вряд ли распорядился бы уничтожить в надписи второе *g*, поскольку Пупиен и Бальбин, с одной стороны, Гордиан III, с другой, являлись императорами одной и той же ориентации.

² *CIL*, III, 7899.

³ «Dacia», II, стр. 245. В надписи *vicus Secundinum* Максимиан назван *γῆς καὶ θαλάττης καὶ πάντων ἀνθρώπων ἔθνους δεσπότης* «владыкой земли, моря и всего рода человеческого». (См. R. V u l p e, *Histoire ancienne de la Dobrudja*, Bucarest, 1938 стр. 262).

⁴ См. A. von D o m a s z e w s k i, *RhM.*, LVIII 1903, стр. 228.

мелких и средних землевладельцев, преобладавших в дунайских провинциях, то представляется возможным считать, что именно эти слои являлись сторонниками Максимиана и его опорой. Это свидетельствуется косвенно и тем, что крупные землевладельцы Африки и Италии были резко враждебны Максимиану. Поддерживала Максимиана и провинциальная администрация, состоявшая в большей части из всадников: последнее отчетливо обнаруживается на примере Дакии и свидетельствуется Капитолином, когда в числе сторонников Максимиана он помещает и *administratores* (SHA, *Max. duo*, 15, 4). В известной мере поддержка Максимиана Дакией могла объясняться и фактом этнической близости фракийца Максимиана к дако-гетамам, как известно, являвшимся северной ветвью фракийских племен.

Чрезвычайно скудные и весьма неопределенные данные источников позволяют все же отчасти проследить отношение нижнедунайских легионов и легионов Дакии в годы кризиса и к другим претендентам на императорский трон. Ликвидация восстания Пакациана, получившего поддержку легионов не только Нижней, но и Верхней Мезии¹, не восстановила власти Филиппа в нижнедунайских провинциях. Дакийские монеты провинциальной чеканки свидетельствуют, что вслед за Пакацианом легионами Дакии совершенно независимо от нижнемезийских легионов и значительно раньше был провозглашен император Деций². Филипп пал в битве при Вероне в сентябре 249 г., а Дакия провозгласила Деция уже в конце 248 или в начале 249 г.³ Значительно раньше, чем в Риме, нижнедунайскими провинциями был признан Эмилиан. Источники обычно говорят о трех месяцах его правления⁴. Это сообщение верно только относительно признания его самим Римом: после того как Эмилиан был признан сенатом, он действительно правил три месяца⁵. Провинциальные же монеты Дакии отмечают, что уже летом 252 г. (а обычно его правление относят к 253 году) Эмилиан был признан в Дакии⁶, и, видимо, на всем нижнем Дунае. Египетские монеты из Александрии также называют 252 г. как год, в котором Эмилиан был признан Египтом⁷.

В 260 г. нижнемезийскими войсками был провозглашен императором наместник Верхней Паннонии Ингенуй⁸. Повидимому, эта узурпация по-

¹ Монетный двор Вимианакия чеканил антонинианы Пакациана в таком большом количестве, что чеканка провинциальных монет Мезии была прекращена (*NZ*, I, 1906, стр. 48).

² P. L a m b r e c h t s, ук. соч., стр. 54, № 631, считает, что в правление Севера Александра Деций был наместником Мезии; H. S c h i l l e r, *Geschichte der römischen Kaiserzeit*, I, 2, Gotha, 1883, стр. 802, полагает, что одновременно Деций являлся и наместником Дакии. Источники же (A u r. V i c t., De Caes., 29; E u t r., IX, 4) свидетельствуют о его происхождении из Паннонии.

³ В третий год дакийской эры (AN III с июля 248 г. по июль 249 г.) Дакия чеканила монеты Филиппа и Деция (B. P i c k, *Die antiken Münzen Dacien und Moesien*, I, B., 1899, стр. 14, № 35). Право чеканки собственной мелкой медной монеты было предоставлено Дакии Филиппом в 246 г. во время борьбы с карпами, когда он сам лично руководил операциями и находился в провинции. Начало дакийской эры, согласно Пику (ук. соч., стр. 4), приходится на июль — август 246 г. Маттингли и Солсбери определяют ее начало более точно — 20 июля 246 г. (H. M a t t i n g l y and F. S. S a l i s b u r g, *The reign of Trajan Decius*, JRS, XIV, 1924, стр. 1 сл.). Повидимому, в этом акте императора сказались намерение римского правительства укрепить хозяйственные и политические связи Дакии с империей и в какой-то мере ослабить ее экономические трудности: прогрессирующее обесценение золотой и особенно серебряной императорской монеты делало наиболее реальной стоимость медной монеты.

⁴ E u t r., IX, 5 сл.; A u r. V i c t., De Caes., 29 сл.; A n o n., *Epit. de Caes.*, 31; O r o s., VII, 21,6.

⁵ H. M a t t i n g l y, *The reign of Aemilian*, JRS, XXV, 1935, стр. 55—58.

⁶ B. P i c k, ук. соч., стр. 18.

⁷ JRS, XXV, 1935, стр. 57.

⁸ SHA, *Trig. tyr.*, 9, 1; A u r. V i c t., De Caes., 33,1—2; Z o n., XII, 24.

лучила поддержку других дунайских легионов, так как выступивший против Ингенуя Галлиен не мог полностью положиться на дунайские войска и был вынужден взять с собой несколько отрядов из рейнской армии, кавалерию мавров и отряды из Британнии¹. Однако определить, какие провинции кроме Паннонии и Мезии, по сообщению Требеллия Поллиона, подвергшиеся суровому наказанию со стороны Галлиена, поддержали выступление Ингенуя, не представляется возможным. В 261 г. императором был провозглашен наместник Верхней Паннонии Регаллиан. Тот же Поллион сообщает, что императором его выдвинули те самые мезийцы, которых жестоко наказал Галлиен²; сам же Регаллиан, по сведениям Поллиона, якобы происходил из Дакии, из рода самого Децебала. Регаллиана признала Паннония: его правление засвидетельствовано монетами из Карнунта с легендами *fides militum* и *liberalitas Augg*³.

Но все эти движения носили в общем локальный характер и в отличие от узурпаций в Галлии и на Рейне были без труда подавлены Галлиеном. Дунайская армия в тот период оставалась, видимо, основной опорой центральной императорской власти. Мезийские и дакийские легионы боролись в Галлии на стороне Септимия Севера против Клодия Альбина (CIL, XIII, 7978) и затем позднее также в Галлии под командованием Галлиена они сражались против Викторина. Широкое распространение культа Митры в дунайских провинциях и, в частности, в Дакии⁴, также свидетельствует о симпатиях дунайских легионов к сильной императорской власти.

Временный и преходящий характер этих узурпаций убеждает в том, что на Дунае отсутствовали именно те слои, которые могли бы стремиться к отделению Дакии от империи. Хотя на Дунае начинало складываться крупное землевладение, причем возможно, что его представители поддерживали узурпаторов однако, не достигнув большой силы, местная аристократия не смогла по примеру галлоримской организовать самостоятельное и независимое от Рима государство. По этой же причине она оказалась также не в состоянии подобно галльской знати, напуганной мощным движением багаудов, выступить в Дакии в роли активного борца с народными движениями и в конечном итоге защитницы римского господства.

Таким образом, если дунайские легионы в основной массе были преданы центральной императорской власти, а сепаратистские стремления были весьма неопределенны и к тому же сами по себе, как свидетельствует пример Галлии, вовсе еще не являлись достаточными для крушения римской власти в провинции, то можно ли считать, что оставление Дакии явилось следствием военных неудач Рима на Дунае в этот период? Со времени Маркоманских войн эта провинция, действительно, становится ареной постоянных военных действий. Посредством дальнейшего укрепления границ провинции римляне стараются ослабить натиск пограничных племен на Дакию. Со времени Северов все римские крепости в Дакии начинают переоборудоваться в каменные. На востоке Дакии за восточным валом (*limes Alutanus*) Севером был сооружен новый вал — *limes Valachicus*, а реконструкция Северного дакийского вала происходила под личным

¹ ILS, 546; A u r. V i c t., De Caes., 33; Z o n., XII, 24.

² SHA, Trig. tyr., 10,1; A u r. V i c t., De Caes., 30; A n o n., Epit. de Caes., 32,3.

³ E. S w o b o d a, Karnuntum. Seine Geschichte und seine Denkmäler, Wien, 1954, стр. 54. Монеты Регаллиана и его жены-соправительницы Дриантиллы представляли собой перчеканку денариев или золотых Каракаллы, Севера Александра, Юлии Домны и Юлии Мезы; см. также АЕМ, XVI, стр. 237—238.

⁴ CIL, III, 1109; 1112; 1114; 1118—1122; 1357; 1436; 1549; 7730; 7922—7937; 8038; 8041; 12540; 12547—12548; 14466 и др.

наблюдением Каракаллы. Однако эти меры оказываются недостаточными, и уже при Каракалле начинаются первые вторжения карпов в дунайские провинции (CIL, III, 14416). Отправляясь в 213 г. на восток против Парфии, Каракалла был вынужден остановиться в Дакии и потребовать заложников у свободных даков¹. Какие-то волнения варваров на границах Дакии имели место и при Макрине. Назначенный Макрином новый наместник Дакии Марций Клавдий Агриппа вынужден был возвратить заложников, взятых Каракаллой (Cass. Dio, LXXIX, 13,2). Напряженная борьба в Дакии имела место и при Максимине. В 236 г. в провинцию вторглись сарматы-язиги и свободные дакийские племена. Война окончилась победой римлян, и Максимин принял титул *Dacicus Maximus*². Сильное вторжение в Дакию последовало с востока при Гордиане III. Повидимому, уже в это время в 242 г., римлянами был оставлен *limes Valachicus*³.

Упорная борьба с карпами разворачивается в Дакии при Филиппе в 246 г.⁴ Повидимому, врагом была угнана в плен значительная часть населения провинции (CIL, III, 1054); на востоке были оставлены некоторые укрепления уже на *limes Alutanus*⁵. Повидимому, в северо-западные области Дакии вторглись также и квады. Борьба окончилась только в 247 г., и Филипп принял титул *Carpicus Maximus*. При Деции оборона провинции оказалась уже настолько расшатанной, что в результате успешной борьбы против карпов и появившихся в это время на Дунае готов он принял титул *restitutor Daciae* (CIL, III, 1176). Обеспеченный на короткое время в Дакии мир был чрезвычайно важен для общего положения в империи: в 251 г. в Риме в честь установления мира в Дакии были отбиты специальные золотые и серебряные монеты с легендой *Dacia felix*⁶.

Тем не менее положение в Дакии продолжало осложняться. В VI год провинциальной эры (251—252 гг.) Дакия не чеканила монет, что могло явиться результатом экономических затруднений в провинции вследствие вторжения пограничных племен. Победа Эмилиана над придунайскими племенами на какое-то время, видимо, освободила и Дакию, так как на монетах провинции чеканятся изображения, символизирующие мир.

С падением Эмилиана заканчивается период упорной и ожесточенной борьбы за Дакию, когда римляне еще надеялись удержать провинцию. В течение почти 20 лет шла непрекращающаяся война. Несмотря на возрастающие удары варваров, римляне еще одерживают победы. Со времени Валериана — Галлиена начинается другой и последний период борьбы римлян за Дакию: под напором сопротивления даков и вторжений варварских племен извне она постепенно очищается римлянами и, наконец, Аврелиан в 271 г. выводит отсюда войска, провинциальную администрацию и часть населения (SHA, Aurel., 39, 7; Eutr., IX, 15). На правом берегу Дуная из частей Мезии и Фракии им были созданы две новые провинции Дакии — *Dacia Ripensis*, куда были выведены войска, и *Dacia Mediterranea*, где совсем не было войск.

Осветить положение в Дакии в последний период ее римской истории весьма трудно вследствие почти полного отсутствия источников. Судя по типу чеканенных Дакией монет, в 255—257 гг. в провинции был мир. Однако в 257 г. Дакия испытывает новое вторжение и, пови-

¹ Cass. Dio, LXXVIII, 27,5; SHA, Carac., 5,3.

² CIL, III, 3735—3736.

³ «Dacia», V—VI, стр. 435 и 447.

⁴ Z o s., I, 20; Z o n., XII, 19; L a c t., De mort. pers., 4, 3.

⁵ Римские монеты из кастелла Крестешти кончатся временем Филиппа, что может объясняться уходом в это время отсюда римских войск. Долгое время здесь стояла *ala I Bosporanorum* (SCIV, 1950, I, стр. 280).

⁶ H. C o h e n, Description historique des monnaies frappées sous l'Empire romain, т. IV, P., 1860, стр. 234, №№ 17—20.

димому, самое сильное. В руки врага переходят крупные военные центры на севере провинции, например Поролисс. Возможно, что именно ценою уступок варварам северных областей Дакии был достигнут успех, о чем свидетельствует титул *Dacicus Maximus*, принятый Галлиеном в 257 г. На оставление северных областей провинции указывает произошедшее в Дакии перемещение легионов: XIII Gemina перемещается из Апула на юго-запад Дакии¹. Еще ранее Гордианом III на востоке Дакии были оставлены области за *limes Alutanus*, т. е. та часть территории Дакии, которая защищалась новым валом Септимия Севера. В правление Филиппа последовало оставление областей уже по эту сторону восточного вала: в результате военных действий были разрушены и затем оставлены римлянами отдельные лагеря на *limes Alutanus*; после 250 г. в областях северо-восточной Дакии отсутствуют находки римских монет. В 257 г. совершенно прекращается чеканка провинциальной монеты, приблизительно этим же годом кончаются эпитафические свидетельства из Дакии².

Эти данные, а также сведения литературных источников³ привели некоторых историков к мысли об оставлении Дакии уже Галлиеном. Однако исследования современных румынских историков Д. Тудора,

¹ CIL, III, 1560. В. S a r i a, Zur Geschichte der Provinz Dacien, «Strena Buliciana», Zagreb, 1924, стр. 249 сл., считает, что оба легиона были выведены Галлиеном в Петовию в Паннонию, где они находились под общим командованием в период между 262 и 268 г. Saria основывается при этом на археологическом материале, который обнаружили раскопки в районе Петовию в 1913 г. Здесь был открыт храм Митры, в котором, помимо скульптур, имелись надписи на алтарях в честь бога Солнца и бога Митры за благополучие императора Галлиена и Флавия Апра, который именуется *vir egregius praepositus legionum V Macedonicae et XIII Geminae Gallienarum*. Эти алтари были воздвигнуты несколькими представителями командного состава легионов V Macedonica и XIII Gemina. С. D a c i o v i c i u, Sichenbürgen..., стр. 170, и L. H o m o, Essai sur le règne de l'empereur Aurélien, P., 1904, стр. 205, считают, что оба легиона при Галлиене находились в Дакии, а в Паннонии могли находиться только подразделения этих легионов, которые были включены в состав операционной армии императора. По мнению N. V u l i č ' a, Quand la Dacie a-t-elle été perdue?, Belgrad, 1935, стр. 203, находки в Петовию не дают возможности ответить, находились ли в Паннонии целые легионы или только их подразделения, тем более, что надписи не указывают, был ли здесь штаб этих легионов. Пач и Риттерлинг считают, что вексилляция дакийских легионов V Macedonica и XIII Gemina входила в операционную армию Галлиена; севернее же Дуная в Дакии находились основные части этих легионов (K. P a t s c h, Banater Sarmaten, AnzAWW, LXII, 1925, стр. 210; R i t t e r l i n g, RE, XII, I, стб. 1344; 1580; 1722). Мне представляется, что не сами легионы были выведены в Паннонию, а только их подразделения, которые вошли в главную, действовавшую здесь, армию Галлиена. Участие подразделений дакийских легионов как одной из составных частей императорского войска в войнах III в. является обычным явлением. Это могло иметь место и при Галлиене, тем более, что основная часть одного из легионов Дакии—XIII Gemina (или даже весь легион) уже находилась однажды при Филиппе Арабе в Аквилее для защиты Северной Италии. Кроме того сам текст всех пяти посвященных алтарей не дает возможности судить о том, как это уже было отмечено Вуличем, стояли ли в Петовию под объединенным командованием сами легионы или только их части. Термин *praepositus* обычно прилагается к командирам вексилляций (см., например, CIL, XIII, 7978:....*praepositus vexillationum legionum Daciae et Moesiae*); кроме того, в III в. само слово «вексилляция» часто заменяется словом «легион». Можно думать, что оба легиона еще стояли в Дакии при Галлиене. Об этом свидетельствует надпись от времени Клавдия II, где легион XIII Gemina называется «легионом Дакии» (CIL, V, 7366).

² От 257 г. — XI года провинциальной эры Дакии—дошла только одна монета Галлиена (В. P i s k, ук. соч., стр. 20, № 69). Считают, что уже в 256 г. монеты для провинции Дакии чеканились монетным двором в Вимиакции (САН, XII, 151). Последнюю надпись из Дакии (CIL, III, 7971) Т. Моммзен датировал 255 годом.

³ И о р д а н (Rom., 217), О р о с и й (VII, 22), Ф е с т (Brev., 8) и А в р е л и й В и к т о р (De Caes., 33) свидетельствуют, что Дакия была оставлена уже при Галлиене, хотя у Иордана есть и замечание, что войска были отозваны из Дакии Аврелианом.

К. Дайковичиу, М. Макри показали, что римляне удерживали Дакию вплоть до Аврелиана¹. Относя оставление Дакии ко времени Галлиена или Аврелиана, западноевропейская буржуазная историческая наука не учитывает постепенного оставления провинции, начавшегося уже со времени Гордиана III. Вместе с тем буржуазная историография не вскрывает также действительных причин оставления Дакии и сводит их преимущественно к тяжелому военному положению империи на Дунае, заставившему Рим эвакуировать крайнюю область. Падение римского господства в Дакии, несомненно, в какой-то мере объясняется и тяжестью военного положения в провинции, хотя положение в Нижней Мезии, например, было не менее тяжелым, когда в руки врага на длительное время попали ее заддунайские области и сама она находилась под угрозой гибели². Несомненно, на оставление Дакии значительное влияние имело также опасное географическое положение провинции, когда ее границы, далеко выдвинутые на север, были с трех сторон доступны для вторжения варварских племен, в большинстве своем этнически близких дакам и вследствие этого оказывавших немалую поддержку крестьянским выступлениям. Неоднократно принимаемый императорами во II — III вв. победный титул *Dacicus Maximus* как раз свидетельствует о том, что в Дакии постоянно имела место борьба с племенами свободных даков, вторгавшимися в провинцию. Как известно, подобные титулы не принимались императорами, когда речь шла лишь о подавлении внутренних волнений в провинции. Однако все эти факторы, хотя и имеющие значение, сами по себе еще не объясняют причин падения римского господства в Дакии: крушение его явилось результатом внутренних социальных движений и именно движений крестьянства. Повидимому, в эти годы величайших затруднений для Рима крестьянское население Дакии, а также рабы активно выступали против римских властей. Этим собственно и следует объяснить тот огромный успех, который имели варварские вторжения в Дакию. И неслучайно римляне начинают оставлять сначала восточные и северные районы Дакии, где в основном было сосредоточено местное население.

¹ М. Масреа, *Monetele și părăsirea Daciei*, «An. Inst. St. Cl.», III (1941), стр. 303—305; С. Даисовичиу, *Siebenbürgen...*, стр. 187—189. Недавние раскопки румынских археологов в районе Суцидавы обнаружили материалы, свидетельствующие, что южные области Дакии римляне удерживали еще при Феодосии II (см. *Materiale arheologice privind istoria veche a RPR*, I, București, 1953, стр. 695, 731, 742).

² SNA, Aurel., 39, 7. Из римской крепости Капидавы в Нижней Мезии на левом берегу Дуная эпиграфические свидетельства кончаются временем Максимиана и возобновляются только со времени Констанция (337 г.), см. «*Dacia*», III—IV, стр. 511—512; V—VI, стр. 366.